

Корсунский Иван Николаевич

**Государственное значение
церковно-приходской школы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Николаевич К.**
Государственное значение церковно-приходской школы / Корсунский Иван Николаевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 92 с.

ISBN 978-5-519-90512-1

ISBN 978-5-519-90512-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Государственное значеніе церковно-приходской школы ¹⁾.

Уже не разъ достопочтенное собраніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія выслушивало рѣчи о церковно-приходскихъ школахъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Едва только поднятъ былъ въ правительственныхъ сферахъ въ 1881 году вопросъ о возстановленіи значенія этихъ школъ, какъ Общество любителей духовнаго просвѣщенія, отзывчивое на всѣ добрыя начинанія и мѣропріятія правительства, какимъ бы то ни было образомъ касающіяся задачъ его, поставило этотъ вопросъ на очереди въ годичномъ собраніи своемъ за означенный годъ,—и рѣчь *И. И. Соловьева* „Объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія“ была прекраснымъ отвѣтомъ на поставленный Обществомъ вопросъ. Черезъ три года послѣ того, именно въ октябрѣ 1884 года, въ виду послѣдовавшаго въ этотъ годъ законоположенія о церковно-приходскихъ школахъ, Общество, въ годичномъ собраніи своемъ, имѣло случай выслушать блестящую рѣчь глубокаго знатока дѣла о. протоіерея *И. А. Смирнова*, имѣвшую предметомъ своимъ „Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на западѣ въ виду будущаго нашей“. Того же вопроса отчасти касалось Общество и въ 1885 году на собраніяхъ своихъ, за тѣмъ въ 1886 и въ 1887 году на страницахъ своихъ повременныхъ изданій. По видимому, дѣло уже разъяснено достаточно, и съ во-

¹⁾ Читано съ сокращеніями въ годичномъ собраніи Общества любителей духовнаго просвѣщенія 13 декабря 1887 года.

просомъ о церковно-приходскихъ школахъ, какъ съ вопросомъ, пора бы покончить, занимаясь лишь примѣненіемъ къ дѣлу правительственныхъ распоряженій объ этихъ школахъ, а не тѣмъ, чтобы мозолить уши слушателей и глаза читателей повтореніемъ задовъ. Но, къ сожалѣнію, и въ правительственныхъ сферахъ этотъ вопросъ доселѣ остается еще не вполне разъясненнымъ и разрѣшеннымъ, и въ обществѣ русскомъ, на ряду съ людьми, искренно желающими водворенія церковно-приходской школы, есть много такихъ людей, которые жалуются на боль въ ушахъ, когда ихъ касается разговоръ о ней. Въ доказательство перваго я укажу хотя бы на Высочайше утвержденное въ 12 й день мая текущаго года и недавно опубликованное мнѣніе Государственнаго Совѣта, который, разрѣшивъ духовному вѣдомству расходовать ста двадцати тысячъ рублей изъ Государственнаго Казначейства на потребности церковно-приходскихъ школъ, между прочимъ, положилъ: „предоставить оберъ-прокурору Св. Синода и министру народнаго просвѣщенія внести въ Государственный Совѣтъ особое, въ установленномъ порядкѣ, представленіе по вопросу о томъ, не представится ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ какъ для наилучшаго направленія сего дѣла по существу, такъ и въ видахъ наиболѣе цѣлесообразнаго и бережливаго употребленія средствъ Государственнаго Казначейства, могущихъ быть назначаемыми на потребности первоначальнаго народнаго образованія“ (см. оффиц. отд. *Москв. Церк. Вѣдом.* за 1887 г. № 30 отъ 6 сентября). Въ доказательство же того, какъ многіе въ самомъ обществѣ смотрятъ на церковно-приходскія школы, можно было бы указать на множество статей, появлявшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ нашихъ и до опубликованія сейчасъ приведеннаго правительственнаго распоряженія и особенно послѣ и вслѣдствіе опубликованія этого распоряженія (см. напр. статью Д. Дашкова въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* за текущій годъ №№ 240 и 241; въ *Вѣстникъ Европы* за тотъ же годъ №№ 9 и 11 „Внутр. Обзорѣніе“; газеты: *Минута* № 231; — *Кіевлянинъ* №№ 193 и 195 и др.). Въ этихъ и подобныхъ

статьяхъ, особенно въ виду вѣроятности передачи завѣдыванія дѣломъ начальнаго народнаго образованія духовному вѣдомству, высказывается напимѣръ то, что такая передача „будетъ крайне неблагопріятна для дѣла начальнаго обученія“ (*Вѣстн. Евр.* № 9); что возстановленіе церковно-приходскихъ школъ въ 1884 году „было отчасти возвратомъ къ прошлому, которое представляется далеко не въ розовомъ свѣтѣ всѣмъ друзьямъ народнаго просвѣщенія и искреннимъ недоброжелателямъ невѣжества и суевѣрія, въ которыя погружены были массы русскаго простолюдина“ (*Минута*, № 231); что „какъ это отдаленное прошлое, такъ и ближайшее настоящее не заставляютъ относиться съ особенными надеждами на прогрессивное развитіе образовательнаго уровня народныхъ массъ, при посредствѣ церковно-приходскихъ школъ“ (тамъ же; срав. *Семья и Школа* 1872 г. стр. 981 и дал.); что и сама старая духовная школа носила „узко-клерикальный, сословный характеръ“ (*Семья и Школа* 1872 г. стр. 1036) и под. Въ тѣхъ же и иныхъ подобныхъ статьяхъ, съ другой стороны, высказываются и такія мысли, что „церковно-приходскія школы существуютъ очень недавно, свѣдѣній объ нихъ мало, достовѣрныхъ данныхъ еще меньше“ (*Вѣстн. Евр.* 1887 г. № 9); — что „первоначальная школа свѣтскаго образца является испытаннымъ средствомъ, а церковно-приходская школа стоитъ въ началѣ неизвѣданнаго пути, прикрываясь флагомъ высшихъ соображеній“ (*Минута* № 231); — что къ такъ называемой земской школѣ и духовенство и народъ относились до сихъ поръ „сочувственно“ (*Совр. Изв.*); — что если въ школѣ земской и министерской, вообще свѣтской встрѣчаются „неудачные учителя и уродливыя явленія, то отъ нихъ церковно-приходская школа защищена ничуть не сильнѣе“ (*Кіевлянинъ*); — что школу земскую и министерскую „не хотятъ знать, не хотятъ видѣть въ настоящемъ ея свѣтѣ, ея случайныя погрѣшности возводятся на степень общаго правила, ея громадныя заслуги замалчиваются или подвергаются рѣшительному отрицанію“ (*Вѣст. Евр.*) и т. д. Изъ всего этого и подобнаго ясно, что вопросъ о церковно-приходской школѣ во многихъ, при томъ въ нѣкоторыхъ даже такъ называемыхъ принципиальныхъ

пунктахъ остается доселѣ еще открытымъ. Намъ кажется, что во всемъ этомъ сущность недоразумѣній заключается во взглядѣ на означенный вопросъ, какъ вопросъ *сословный*, а не *государственный*. Многіе въ водвореніи церковно-приходской школы хотятъ видѣть посягательство на права другихъ сословій и учрежденій въ дѣлѣ начальнаго народнаго просвѣщенія, съ предпочтеніемъ сословія духовнаго. А между тѣмъ, по нашему крайнему мнѣнію и убѣжденію, дѣло стоитъ иначе. По этому отнюдь не было бы неблаговременнымъ, думается намъ, предложить теперь благосклонному вниманію любителей духовнаго просвѣщенія рѣчь о *государственномъ значеніи церковно-приходской школы*. И такъ какъ цѣль возстановляемыхъ нынѣ церковно-приходскихъ школъ, по Высочайше утвержденнымъ въ 1884 году правиламъ о нихъ, заключается не въ томъ, чтобы поддерживать „суевѣріе и невѣжество“, а въ томъ, чтобы „утверждать въ народѣ православное ученіе *вѣры* и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія“ (§ 1): то съ этой именно точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ вести и разсужденіе о предметѣ нашей рѣчи.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ началѣ осени праздновалось тысячелѣтіе Россіи. Россія, такъ сказать, отдавала публичный отчетъ за протекшее 1000-лѣтіе своей государственной жизни и дѣятельности. Хотя главное торжество праздника сосредоточилось въ Новгородѣ, гдѣ въ 862 году началъ княжить Рюрикъ, однако и Москва,—собираательница Россіи и установительница единодержавія не была безучастна къ этому празднованію. Прежде чѣмъ отправиться въ Новгородъ на праздникъ тысячелѣтія Россіи, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ свою первопрестольную столицу,—средоточіе русской святыни, сердце Россіи. Приснопамятный святитель Московскій Филаретъ, 19 августа встрѣтилъ Государя въ Успенскомъ соборѣ (также не лишенномъ государственнаго значенія въ жизни Россіи) рѣчью, въ которой между прочимъ говорилъ: „что было началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи? Что объединило ее послѣ княжескаго раздробленія? Что не допустило ее пасть подъ чуждымъ игомъ, и исторгло изъ подъ

ига? Что изъ разрушительнаго междуусобія возсоздало ее въ сильно сосредоточенную Монархію? Не паче ли всего православная вѣра? (Сочин. Филар. V, 549—550. Москва, 1885). Кому не извѣстно, сколь глубоко обдуманно было всегда каждое слово великаго учителя нашей Церкви,—Филарета. Тѣмъ болѣе печать такой обдуманности лежитъ на рѣчахъ, которыя онъ произносилъ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, и тѣмъ большею глубиною мысли должна была отличаться такая рѣчь, слова которой мы сейчасъ привели, т. е. рѣчь, сказанная въ виду столь знаменательнаго событія, какъ празднованіе тысячелѣтія Россіи. Вникнемъ же поглубже въ каждое изъ приведенныхъ словъ нашего учителя, дни памяти котораго такъ счастливо совпадаютъ съ временемъ настоящаго собранія ¹⁾ и уяснимъ для себя ихъ значеніе. Это, безъ сомнѣнія, стоитъ труда; да и принесетъ, надѣмся, не малую пользу раскрытію предмета нашей рѣчи.—Какіе историческіе моменты имѣются въ виду святителемъ въ приведенныхъ словахъ его рѣчи?—Во первыхъ, начало настоящей гражданской или государственной жизни и просвѣщенія Россіи; во вторыхъ, объединеніе ея послѣ княжескаго раздробленія, имѣвшаго мѣсто при удѣльной системѣ, въ династіи великихъ князей Московскихъ; въ третьихъ, времена Монгольскаго ига, отъ котораго Россія освободилась лишь черезъ два съ половиною вѣка послѣ начала его, уже при великомъ князѣ Московскомъ Іоаннѣ III; въ четвертыхъ, послѣ тяжкихъ временъ междоусобицъ въ началѣ XVII вѣка, возстановленіе государственнаго строя Россіи и усиленіе ея подъ монархическимъ правленіемъ доселѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ. Провѣримъ и раскроемъ все это исторически.

1) Точно ли православная вѣра была по преимуществу („паче всего“) началомъ ог्राжданствованія и просвѣщенія Россіи?

Что представляла собою теперешняя Россія до принятія ею христіанской вѣры православнаго исповѣданія?

¹⁾ 19 ноября—день кончины Филарета; 1 декабря—день Ангела его и 26 декабря—день его рожденія. А въ вышшемъ 1887 году, сверхъ того, исполнилось и 20-лѣтіе со дня кончины его.

Народное раздробленіе, отсутствіе всякой почти гражданственности² (за исключеніемъ развѣ, да и то лишь отчасти, Новгорода и Кіева), полнѣйшую грубость нравовъ, господство дикихъ страстей, отсутствіе самомалѣйшаго вида просвѣщенія и т. п. Извѣстно напр. по лѣтописямъ, сколь великою грубостію нравовъ, сколь дикою свирѣпостію отличались Древляне. Извѣстно также, какими кровавыми расправами обыкновенно оканчивались сходки племенныхъ старшинъ, имѣвшія даже и добрую цѣль по своему началу (общинное обсужденіе племенныхъ дѣлъ и вопросовъ). Равнымъ образомъ извѣстны также весьма жестокія, нерѣдко злодѣйски—предательскія, и обыкновенно кровавыя дѣйствія первыхъ князей—язычниковъ: Олега, предательски поступившаго съ князьями Кіевскими—Аскольдомъ и Диромъ; не могшаго жить безъ удовлетворенія жажды крови Святослава Игоревича и др. Только съ принятіемъ христіанства Русскими начинается настоящее „огражданствованіе“ Россіи. Смягчая грубость нравовъ, укрощая страсти, смиряя волю въ послушаніе закону Божію, христіанская вѣра уже тѣмъ самымъ располагала принимавшихъ ее къ мирнымъ занятіямъ гражданскимъ, способствовала утвержденію правосудія, полюбовному, основанному на взаимныхъ уступкахъ и согласіи, распределенію наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществъ, владѣній и т. д. Съ принятіемъ христіанства и въ самыхъ князьяхъ воинственный духъ, страсть къ кровавымъ расправамъ и къ завоеваніямъ уступили мѣсто стремленіямъ къ мирному гражданскому устроенію и развитію Россіи. Доказательство этого можно видѣть уже въ Аскольдѣ и Дирѣ, въ Игорѣ (тайно христіанствовавшемъ) и особливо въ супругѣ Игоря, Ольгѣ, а равно и въ ихъ подданныхъ, принимавшихъ христіанство. Но нагляднѣйшее доказательство того же лѣтописи даютъ видѣть на примѣрѣ крестившаго Русь князя Владиміра—язычника и Владиміра—христіанина. Съ принятіемъ христіанства онъ измѣнился до неузнаваемости, и благодаря такой перемѣнѣ Русь весьма подвинулась впередъ въ своемъ гражданскомъ благоустройствѣ. Еще болѣе сдѣлалъ въ томъ же отношеніи сынъ Владиміра, Ярославъ, не даромъ прозванный Мудрымъ. „Русская правда“ Ярослава служитъ

наилучшимъ памятникомъ его стремленій къ огражданствованію Россіи, и при томъ именно съ христіанской точки зрѣнія.

Вмѣстѣ съ „огражданствованіемъ“, православная вѣра послужила началомъ и „просвѣщенія“ Россіи, что всего болѣе интересуется насъ въ настоящую минуту. Между тѣмъ какъ до введенія христіанства въ Россію, о просвѣщеніи не было и помину въ ней, съ принятіемъ христіанства русскими просвѣщеніе мало по малу стало прививаться и къ нимъ, а съ общимъ крещеніемъ Руси при Владимірѣ сдѣлало и очень быстрые сравнительно успѣхи. Не даромъ самое принятіе христіанства вообще обозначается какъ *просвѣщеніе* вѣроу, *просвѣщеніе* свѣтомъ вѣры Христовой, *наученіе* вѣрѣ. Уже съ самымъ крещеніемъ въ христіанствѣ всегда соединялось оглашеніе, наученіе, согласно заповѣди Спасителя, данной Апостоламъ, а чрезъ нихъ и ихъ преемникамъ — епископамъ и пресвитерамъ: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдехъ вамъ* (Матѣ. 28, 19. 20). Какое здѣсь разумѣется наученіе или ученіе, это ясно изъ самой же заповѣди Спасителя, указующей на „вѣроученіе“ (*научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*) и „правоученіе“ (*учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдехъ вамъ*). А такъ какъ Господь Спаситель *заповѣдалъ* весьма многое или, лучше сказать, все необходимое для спасенія человѣка въ его временной и вѣчной жизни, раскрытое предъ нами въ Евангеліяхъ и прочихъ Апостольскихъ Писаніяхъ: то наученіе или ученіе это можно было бы назвать вообще *христіанскимъ*. Христіанское же ученіе заключаетъ въ себѣ основы ученія не только новозавѣтнаго, но и ветховавѣтнаго, не только умозрительнаго, но и дѣятельнаго, не только догматическаго съ нравственнымъ, но и историческаго, литургическаго и т. д., не только священноцерковнаго, но и государственнаго. Оно же поощряетъ и всякое „полезное знаніе“, Апостольскимъ внушеніемъ: *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добротвальна, аще кая обрѣдѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте* (Филип.

4, 8). Но такъ какъ, въ виду вѣчнаго спасенія челоуѣка, которое составляетъ *единое на потребу* (Лук. 10, 42), свѣтское или, по Апостольскому выраженію, *тѣлесное обученіе* *вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8): то само собою разумѣется, что преобладающимъ характеромъ основывающагося на вышеприведенной заповѣди Спасителя ученія христіанскаго долженъ былъ оставаться характеръ *Божественный, церковный*. Этотъ характеръ проходитъ чрезъ всю дальнѣйшую просвѣтительную дѣятельность основанной Христомъ и Апостолами Церкви въ лицѣ главныхъ и ближайшихъ представителей ея—пастырей и учителей; въ силу чего св. Церковь и на всѣ послѣдующія времена какъ самую обязанность пастырей—учить народъ, такъ и характеръ этого ученія или наученія, обученія утвердила своими правилами. Для незнающихъ или забывающихъ эти правила приводимъ важнѣйшія изъ нихъ. VII всел. соб. прав. 10 такъ гласитъ о священникѣ въ его отношеніи къ своему приходу: „да идетъ учить отроковъ и домочадцевъ, читая имъ Божественное писаніе: ибо для сего и священство получилъ“. Того же собора правило 2-е: „поелику мы въ псалмопѣніи общаемъ Богу: *во оправданіихъ Твоихъ поучуся, не забуду словесъ Твоихъ* (Псал. 118, 6): то и всѣмъ христіанамъ сіе сохранять есть спасительно, наипаче же пріемлющимъ священническое достоинство. Сего ради опредѣляемъ: всякому имѣющему возведену быти на епископскій степень, непременно знати Псалтирь, да тако и весь свой клиръ вразумляетъ поучатися изъ оныя. Такожде тщательно испытывати его митрополиту, имѣеть ли усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ, читати священныя правила, и святое Евангеліе, и книгу Божественнаго Апостола, и все Божественное писаніе, и поступати по заповѣдямъ Божиимъ; и учить порученный ему народъ. Ибо сущность іерархіи нашея составляютъ Богопреданныя словеса, то есть, истинное вѣдѣніе Божественныхъ писаній, якоже изрекъ великій Діонисій. Аще же колеблется, и не усердствуетъ тако творити и учить: да не рукополагается. Ибо пророчѣственно рекъ Богъ: *ты умнѣе отвергъ еси, отвергу и Азъ тебе*,

да не жречестоуеши Мнѣ (Осн 4, 6)⁴. Апост. прав. 58-е: „епископъ, или пресвитеръ, не радящій о причтѣ и о людехъ, и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семь нерадѣніи и лѣности: да будетъ изверженъ“. VI вселен. соб. правило 19-е: „предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ Божественнаго писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія Богоносныхъ отецъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы, при недостаткѣ умѣнія въ семь, не уклониться отъ подобающаго. Ибо, чрезъ ученіе вышереченныхъ отецъ, люди, получая познаніе о добромъ и достойномъ избраніи, и о неполезномъ и достойномъ отвращеніи, исправляютъ жизнь свою на лучшее, и не страдаютъ недугомъ невѣдѣнія, но, внимая ученію, побуждаютъ себя къ удаленію отъ зла, и, страхомъ угрожающихъ наказаній, содѣлываютъ свое спасеніе“¹⁾. Въ согласіи съ этимъ всегда дѣйствовали ревностные пастыри и учителя Церкви Христовой въ Греціи. И въ этомъ-то смыслѣ о многихъ изъ нихъ въ нашихъ старыхъ славянскихъ грамматикахъ говорится, напр., что тотъ или другой изъ нихъ, послѣ обученія „грамотѣ“ (разумѣется, греческой) или иногда и „грамматикѣ“, „первѣе убо Божественныя писанія наша навъче“, или что „по наученіи Псалтыри пустиша его (Николая Студита) родителя въ Константинь градъ“ и под. (*Мелетія Смотрицкаго*, Славян. грам. л. 12, 13; срав. 2, 3 и др.). Такимъ же образомъ дѣйствовали и въ славянскихъ земляхъ выпедшіе изъ Греціи св. братья Кириллъ и Меѳодій съ своими учениками, не даромъ названные просвѣтителями славянъ. Они изобрѣли для послѣднихъ и славянскую азбуку, — основаніе грамотности, просвѣ-

¹⁾ Хотя въ этомъ послѣднемъ правилѣ имѣется ближе всего въ виду поученіе съ церковной катедры, но это не препятствуетъ ему имѣть значеніе и для настоящаго случая.

щенія. Ибо просвѣщать безъ письменъ значило бы,—разсуждалъ одинъ изъ св. братьевъ (Кириллъ),—тоже, что „на водѣ бесѣду написать“ (см. *Кирилло-Мееод. Сборн.* стр. 21. Москва, 1865) ¹⁾. Для той же цѣли перевели они съ греческаго на славянскій языкъ болѣе необходимыя книги священныя, богослужебныя и другія церковныя, начавъ это святое дѣло свое, по обычаю, молитвою. Это было за нѣсколько лѣтъ до призванія князей варяжскихъ на Русь, а вообще просвѣтительная дѣятельность славянскихъ апостоловъ совпадала по времени съ первыми десятилѣтіями государственной жизни Россіи подъ управленіемъ князей изъ рода Рюрика (св. Кириллъ скончался въ 869, а св. Мееодій въ 885 году). Сѣмя просвѣщенія, брошенное св. братьями среди славянъ южныхъ и западныхъ, перенесено было въ свое время и въ Россію, именно вмѣстѣ съ принятіемъ ею христіанства, и здѣсь дало обильный плодъ, особенно же съ общимъ крещеніемъ Руси при Владимірѣ. Великій князь Владиміръ, приступая къ столь великому дѣлу, какъ просвѣщеніе подвластнаго ему народа христіанскою православною вѣрою, подобно св. Кириллу и Мееодию, предваряетъ его молитвою. Именно еще предъ взятіемъ Корсуня Владиміръ, самъ уже христіанинъ, обращается къ Богу съ такою молитвою: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошу, да даси ми градъ, да пріиму и, и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научать люди (мои) закону хрестьянскому“ (монаха Іакова, „похвала князю русскому Володимеру“). И послѣ взятія Корсуня Владиміръ подлинно привелъ съ собою въ Кіевъ многіе „люди хрестьяны и попы“; а вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и славянскія богослужебныя книги—переводный трудъ св. Кирилла и Мееодія (тамъ же). Заручившись такимъ образомъ всѣмъ необходимымъ на первый разъ для наученія народа своего закону христіанскому, Владиміръ въ государствѣ своемъ теперь „нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье

¹⁾ Срав. подобную же мысль въ „архипастырскомъ воззваніи высокопреосв. Исидора къ духовенству Новгородской епархіи“ отъ 1885 года. Церк. Вѣстн. за 1885 г. № 41.